

Во второй раз в том же месте и в той же декорации. Игра Ушэна по-прежнему оставалась безупречной.

Чтобы увернуться от кулака белобрысого, маленький Ушэн пригнулся и, воспользовавшись смещением, сам обошел этот момент в сцене. В итоге белобрысый промахнулся и, возмущенно, замахнулся еще раз.

Выражение лица маленького Ушэна мгновенно изменилось.

Белобрысый сделал это специально, и это было слишком очевидно.

Увидев, как они противостоят друг другу, их агент Ван Тао, стоявший рядом, нахмурился, но стерпел.

Линь Чэн был уже не молод, а контракт скоро истекал. Их сотрудничество не складывалось, и Ван Тао был уверен, что тот не продлит соглашение. Честно говоря, он презирал Линь Чэна. Этот человек несколько раз не слушался его совета, а в этой среде люди с ложным высокомерием не имеют будущего.

По сравнению с ним...

Взгляд Ван Тао упал на мужчину в белом костюме, стоявшего рядом.

Послушный, молодой, сговорчивый, к тому же обладающий внешностью, которая соответствовала текущим стандартам мужской красоты. Хотя он был еще полуновичком, он уже набрал множество фанатов благодаря музыкальному шоу, что было намного лучше, чем Линь Чэн, который много лет оставался в тени.

Ван Тао, конечно, знал, какой выбор сделать.

Он был уверен, что любой другой на его месте поступил бы так же.

Линь Чэн, прижимая руку к животу, поднялся. Его губы были плотно сжаты, превратившись в прямую линию.

Режиссер хлопнул по столу и крикнул:

— Еще раз!

Он не собирался вмешиваться. Сотрудники съемочной группы быстро засуетились, готовясь вернуться на исходные позиции. Но среди зевак раздался вопрос:

— Это вы совсем стыд потеряли?

Взгляды всех устремились в ту сторону.

Ван Цзэвэнь указал на белобрысого и выпалил:

— Кто вам роли раздавал? Задницей думал? Кто этот вообще? Лицо ни к черту, игра ни к черту, да и совести нет. На что ты надеешься? На свою беспрецедентную наглость?

Все замерли, и никто не ответил.

Ван Цзэвэнь самодовольно усмехнулся:

— Если снимаете кино, так снимайте нормально, а не разводите цирк! Съёмка на улице, и ты позволяешь себе грязные трюки! Откройте глаза и посмотрите, в каком обществе мы живем! Вы из старого общества вылезли? Знаете, что государство такое не разрешает? Назовите мне свои связи! Настолько вы круты?

Лицо белобрысого покраснело, превратившись в багровое. Он бросился вперед и закричал:

— Кого ты обзываешь?!

Ван Цзэвэнь разозлился еще больше, вспомнив все свои неудачи в этой съемочной группе, и выплеснул гнев на него.

— Тебя, если ты сам не понял! — он не унимался. — Ты с таким уровнем еще звездишься? Набрал пару фанатов и уже думаешь, что ты царь небесный? Если ты такой крутой, почему бы тебе не пойти в тюрьму и не посоревноваться с дружками? Сколько вещей у Пинжу ты украл, что так разошелся? Этой тряпки хоть на твою стометровую рожу хватит? Ты специально издеваешься над теми, кто работает честно, а сам подло пакостишь. Если у тебя есть смелость бить исподтишка, найдись и выйди с ним один на один! Ты смеешь? Ты трус!

Режиссер наконец пришел в себя и в ярости крикнул:

— Кто ты такой? Выведите его!

Охранники вокруг бросились к нему.

— Это общественная зона, на каком основании выгоняете меня? У вас есть такие полномочия? Ты режиссер, но в группе царит беспредел, и ты поощряешь это — я сказал, никто меня не тронет! Разберитесь с этим!

Ван Цзэвэнь гаркнул, сверля взглядом приближающихся людей, а потом ткнул пальцем в Линь Чэна:

— Ты! Зачем тебе терпеть это? Даже продавая батат на улице, ты будешь лучше, чем оставаться в этой помойке! Вокруг одни мухи, разве тебе не противно зарабатывать такие деньги? Пошли со мной! Я вытяну тебя!

Режиссер встал, швырнул то, что держал в руках, и прокричал:

— Чего уставились? Вам есть не надо? Все на места! Охранники, выведите его отсюда!

Линь Чэн, который до этого молчал, словно его не существовало, наконец произнес:

— Я больше не снимаюсь.

Его голос был спокоен, просто констатация факта, по нему невозможно было понять эмоции.

Режиссер не воспринял его слова, продолжая яростно командовать:

— Где оператор?!

Ван Цзэвэнь же торжествовал:

— Он больше не снимается, ты слышал? Продолжай снимать пейзажи!

Линь Чэн снял с себя пиджак, взял лежащий рядом стеганный жилет, застегнул его до самого верха, укрыв свое худощавое тело, и глубоко выдохнул, выпустив облачко белого пара.

Режиссер наконец замер, резко повернувшись к нему:

— Что ты сказал? Что ты только что сказал?

Линь Чэн поднял веки и спокойно повторил:

— Не снимаюсь. Ваша съемочная группа не знает, что такое справедливость.

Режиссер глубоко вдохнул, готовый взорваться от ярости, огляделся по сторонам и прошипел:

— Где агент? Твой агент!

Ван Тао, с мрачным лицом, вышел вперед, извиняясь перед режиссером.

Режиссер:

— Он хочет разорвать контракт! Посчитай ему убытки группы, скажи, сколько он должен заплатить!

— Я не подписывал контракт, — голос Линь Чэна был ледяным. — Разве ты не вырезал мою роль временно?

Режиссер снова замер, а затем пристально уставился на Ван Тао.

Ван Тао горько усмехнулся, с мрачным лицом подошел к Линь Чэну, собираясь отчитать его.

Линь Чэн не смотрел на него, засунув руки в карманы. Его карие глаза в зимнем солнечном свете казались особенно мягкими. Он первым заговорил:

— На следующей неделе я расторгаю контракт, обсудите это со мной тогда. Я ухожу.

Ван Тао действительно ничего не мог с ним поделать, именно этим он и воспользовался, когда ранее отобрал у него роль.

— Ты с ума сошел, Линь Чэн? — Ван Тао последовал за ним, понизив голос и схватив его за руку. — Если ты уйдешь сейчас, ты пойдешь против меня.

Линь Чэн спокойно ответил:

— Понятно.

Уже пошли не туда.

— Забавно, — Ван Цзэвэнь, послушав это, саркастически усмехнулся. — О чем ты там бормочешь? Не видишь, что человек тебя игнорирует? Слова «расторжение контракта» не понимаешь? Кем ты себя возомнил?

Ван Тао посмотрел на него с ненавистью:

— Кто ты вообще такой?

Ван Цзэвэнь, находясь в состоянии «убить любого, кто попадется», усмехнулся:

— Тебя какое дело?

— Я управляю своим артистом, тебе какое дело?

...

*

Линь Чэн прошел мимо двух бессмысленно спорящих людей и направился к временно установленной палатке, чтобы переодеть штаны.

Когда он вышел, мужчина в солнечных очках уже исчез, а Ван Тао, стоя рядом с режиссером, пытался угодить. Что касается второй мужской роли — Цзи Юньфаня, тот стоял рядом, сложив руки на груди, с видом послушного ученика.

Линь Чэн больше не смотрел на них, развернулся и ушел.

Он достал из кармана вибрирующий телефон и едва согнувшимися от холода пальцами открыл верхний чат.

Лампочка: [Видео]

Лампочка: Снял, картинка очень четкая [ОК]. Я тебя целое утро на холоде продержал, что будешь делать?

Линь Чэн отправил ему красный конверт.

Лампочка: [Ухмылка] Всего двести?! Ты серьезно? Мне даже на интернет не хватит!

Линь Чэн остановился, свернул чат и, прищурившись, посмотрел на мужчину, преградившего ему путь:

— Что-то нужно?

Его голос был чистым и четким, но с ноткой усталости, словно он не хотел произносить лишних слов.

Мужчина тихо засмеялся, затем снял свои солнечные очки.

Никаких спецэффектов, просто лицо, которое могло вызвать легкую зависть — изящное и мужественное.

Именно такое лицо, какого хотел бы Линь Чэн. Не слишком жесткое, но с настоящей мужской харизмой.

Ван Цзэвэнь с пафосом заявил:

— Я возьму тебя в большое кино!

Голос Линь Чэна прозвучал почти одновременно:

— Не интересуется.

Ван Цзэвэнь:

— ??

— Э? — Ван Цзэвэнь не заметил ничего странного, только цокнул языком. — Не нужно так быстро отказываться.

Он внимательно осмотрел Линь Чэна с ног до головы.

Линь Чэн уже смыл с лица грязь, и его истинная внешность стала видна. Он знал, что его лицо не соответствовало традиционному представлению об Ушэне. Не было квадратных, жестких линий, ни морщин, ни шрамов — мужских отметин.

Как говорил его агент, он был красивым, с четкими чертами лица, с пухлыми губами и белой кожей, что создавало обманчивый контраст. Именно поэтому Ван Тао когда-то согласился подписать с ним контракт.

...Хотя ему это не нравилось.

Ван Цзэвэнь, кажется, был доволен и добавил:

— Я вижу, ты неплохо двигаешься, пойдём на пробы. Сможешь ли ты пройти, зависит от тебя.

Линь Чэн пристально посмотрел на него, не говоря ни слова.

Ван Цзэвэнь усмехнулся:

— Не знаешь, кто я?

Линь Чэн по-прежнему не реагировал.

Увидев, что тот действительно не знает, Ван Цзэвэнь махнул рукой:

— Ладно, пойдём со мной. Актеры в моей группе тебе точно знакомы.

Он потянул его за руку, но Линь Чэн не сдвинулся с места.

Автор имеет сказать: Ушэн — принимающая сторона, режиссер — нападающая.

Это традиционный роман о шоу-бизнесе, не претендующий на реализм, не стоит искать в нем правды жизни.

<http://bllate.org/book/16819/1546828>